

Потапенко Игнатий Николаевич

В деревне
Очерки и рассказы

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И26

И26 **Игнатий Николаевич П.**
В деревне: Очерки и рассказы / Потапенко Игнатий Николаевич – М.: Книга по Требованию,
2023. – 197 с.

ISBN 978-5-519-79264-6

ISBN 978-5-519-79264-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

столько времени, сколько сознаетъ свое существованіе, и также точно она закрываетъ и брови и уши. Идетъ онъ тихо, слегка прихрамывая и лѣвой рукой придерживаясь за бокъ. «Это ему гдѣ-нибудь ребро переломили!» думаетъ Омелько. А сѣдая борода подросла значительно, видно, батъко не брился съ полгода; и носъ уже не красный, а почти черный,—видно, батъко здорово трескалъ водку гдѣ-нибудь на рыбальствѣ!.. Рѣшительно, по всѣмъ признакамъ—это его батъко! А вотъ погоди, ежели онъ подойдетъ къ заваленкѣ и начнетъ бить мамку, тогда уже ясное дѣло... Однако онъ подошелъ къ заваленкѣ, сѣлъ и даже руки не поднялъ, чтобъ ударить мамку... Разговариваетъ... Тѣфу ты пропасть!.. какъ же это такъ? Батъко по всѣмъ статьямъ, а между тѣмъ не пьяный и не бьетъ мамку!.. Нѣтъ, тутъ что-то не такъ. А вотъ изъ воротъ выходитъ дѣвка, маленькая такая, чуть побольше аршина ростомъ—да у нихъ всѣ въ роду маленькіе и онъ-то самъ мало чѣмъ больше—ну это уже сейчасъ можно узнать, кто такая. Это Оксана, сестра его. И чего это она сѣла поодаль и отвернулась отъ матери?.. Да вотъ, наконецъ, и онъ, Омелько, сидитъ рядомъ съ нею!.. Вотъ такъ чудо! Когда это было, чтобы вся семья ихъ собралась дома? Никогда этого не бывало, а теперь вся какъ есть при мѣстѣ... А что-же они ѣсть будутъ? Дома вѣдь ни рожна не водится. Дивится Омелько такому чуду, анъ глядь, по большой хуторянской дорогѣ идетъ попъ въ скуфѣ и съ палкой... Вотъ ужъ попа тутъ не слѣдовало-бы! Это ужъ навѣрняка быть бѣдѣ! У Омельки дрожь пробѣгаетъ по тѣлу. И зачѣмъ тутъ попъ? Кажись, все такъ хорошо устроилось, и вдругъ онъ прилѣзъ... Навѣрное—или батъко умереть, или хата развалится... Ужъ это даромъ не пройдетъ. Хотя-бы еще попъ съ крестомъ, а то съ палкой, въ скуфѣ... О, это совсѣмъ не къ добру... «Ахъ, ты байстрюкъ растреклятый! Ты это что-же надѣлалъ?» вдругъ закричалъ попъ отчаяннымъ голосомъ, совершенно такъ, какъ будто-бы это былъ не голосъ, а громъ, и со всего размаха хватилъ его

палкой въ бокъ. Мурашки пробѣжали по тѣлу Омельки отъ этого удара, и онъ проснулся весь облитый потомъ. А кричалъ-то это не попъ: дядя Данило во весь свой гигантскій ростъ стоялъ передъ нимъ и изо всей мочи толкалъ его въ бокъ каблукомъ своего огромнаго сапога. Дядя Данило былъ высокъ и тонокъ. У него было смуглое лицо съ маленькими угольными глазами и бѣлые, какъ молоко, зубы. Онъ происходилъ изъ цыганъ и не такъ давно еще кочевалъ съ своимъ шатромъ по степямъ, а потомъ почувствовалъ склонность къ осѣдлости, втерся въ сельское общество, женился на вдовѣ — крестьянкѣ, но за нимъ на вѣки вѣчные осталось прозваніе «цыгана» и это прозваніе навсегда перейдетъ къ его потомкамъ.

— Что-же это ты надѣлалъ, байстрюкъ растреклятый? повторилъ дядя Данило безсчетное число разъ. Омелько схватился, какъ ужаленный. «Байстрюкъ!.. Гм!..» Это для него было самое обидное слово изъ всѣхъ ругательныхъ. Оно намекало на то стародавнее обстоятельство, что Омелько былъ рожденъ своей матерью еще тогда, когда она была дѣвицей. Увы! это была правда. Такого-же точно происхожденія была и сестра его Оксана, и только послѣ рожденія Оксаны батько его женился на Оеклѣ.

Что-же, однако, онъ надѣлалъ? Солице поднялось уже высоко. Передъ нимъ разстилалась широкая, безконечная нива съ желтѣющими корнями скошеннаго хлѣба. Табунъ разползся по всей помѣщичьей нивѣ, кони хозяйничали въ копнахъ поздней пшеницы, которую еще не успѣли свезти. Да, дѣйствительно, онъ кое-что надѣлалъ. Но что-же онъ могъ подѣлать, когда глаза противъ его воли закрылись и сладкій сонъ незамѣтно охватилъ его? Нужно-же и ему, попыхачу, спать когда-нибудь! При томъ, вѣдь онъ не собака какая-нибудь, чтобы его толкали въ бокъ каблуками, такъ что у него до сихъ поръ печенка болитъ. Наконецъ, чего это дядя Данило постоянно допекаетъ его этимъ «проклятымъ байстрюкомъ»?..

И Омельку вдругъ обуяло упорство, да такое упорство,

какое можетъ обуять только кровнаго хохла и какого Омелько еще никогда не испытывалъ. «Чортъ съ нимъ, съ его табунѣмъ, съ его жалованьемъ, съ сухарями, съ селедкой!» рѣшилъ онъ.

— Что-жъ ты молчишь и чухаешься? не видишь, что-ли? приставаешь Данило, указывая на оляну, гдѣ хозяйничалъ табунъ.

— Вижу, равнодушно отвѣчалъ Омелько.

— Ну чего-жъ стоишь? Бери батогъ!.. Живѣ!

— А ты не дерись и не ругайся! промолвилъ Омелько вмѣсто того, чтобъ кинуться къ батогу и бѣжать на поляну. Дядя Данило опѣшилъ. А Омелько, котораго теперь уже окончательно разобрало упорство, взялъ да и опустился на траву и преспокойно усѣлся. Данило дотога изумился, что даже и не подумалъ вновь толкнуть его каблукѣмъ.

— Ну, ладно-же! промолвилъ онъ,—я и самъ загоню! Да только тебѣ не сдобровать!—Онъ схватилъ кнутъ и пошелъ самолічно сгонять лошадей. А Омелько сидѣлъ на травѣ и вслѣдъ ему дерзко улыбался.

Его охватило такое пріятное чувство, какого онъ еще никогда въ жизни не испытывалъ. Онъ съ наслажденіемъ смотрѣлъ на плоды своего неповиновенія. Первый разъ въ жизни онъ «взялъ свою волю», и какъ это пріятно, онъ и изъяснить не можетъ. Вотъ лежитъ его котомка, а тутъ-же рядомъ — палка. Кнутъ — помѣщичій, его придется оставить, а жаль, онъ такъ любилъ ходить съ кнутомъ и хлестать имъ въ воздухъ. Этотъ рѣзкій звукъ веселитъ его сердце. Въ котомкѣ еще осталось десятка два сухарей. Что-же? Больше, кажется, сидѣть нечего. Жалованья ему слѣдуетъ тамъ что-то около полтины, да наплевать, все одно—не дадутъ. А вотъ что: нужно дождаться дяди Данилы и попрощаться съ нимъ. Все-жъ таки вмѣстѣ цѣлый годъ провели въ полѣ. Жаль ему лошадей—онъ былъ большой любитель лошадей и знатокъ ихнихъ немощей (едва-ли даже самъ дядя Данило сумѣлъ-бы такъ искусно пустить кровь лошади, какъ онъ!) Ну, да что! Бредихинскій

управляющій давно уже заманиваетъ его къ себѣ. Да только тамъ ужъ онъ низачто не найнется въ поыхачи, а прямо въ табунщики. Хоть даромъ, за одни сухари, лишь-бы быть табунщикомъ, лишь-бы его воля была. А вотъ кстати и Данило подошелъ.

— Прощайте, дядя Данило!

— А что? Уже мандровать собрался? насмѣшливо промолвилъ дядя Данило.—Значитъ, по батьку пошелъ. Тотъ весь вѣкъ свой шляется, ни на одномъ мѣстѣ не усидитъ!..

— А хоть-бы и по батьку?! Да чортъ съ вами, съ вашимъ мѣстомъ! хватилъ Омелько, убѣдившись, что съ Даниломъ нельзя проститься мирно. — Кажется, я никому ничего не долженъ!?

— Проваливай! На твое мѣсто десятокъ найдемъ! привѣтствовалъ его Данило. Дѣйствительно, должность Омельки считалась завидной и на его мѣсто было пропасть охотниковъ.

Взвалилъ Омелько котомку на плечи, взялъ палку и побрелъ большой дорогой. Потомъ онъ спохватился и завернулъ въ сторону, гдѣ пасся его любимый гнѣдой конь—«Васька».

— Васька, Васька! кликнулъ онъ коня, подошелъ къ нему, потрепалъ его по сипнѣ и любезно поцѣловалъ его прямо въ морду.—Прощай, братъ! нѣжно промолвилъ онъ и пустился въ путь.

II.

Языкъ любви.

Въ это время дулъ свѣжій осенній вѣтеръ. Онъ то и дѣло сдувалъ съ головы нашего путешественника шляпу, сплетенную его собственными руками изъ житней соломы. Огромныя поля этой шляпы пугали попадавшихъ навстрѣчу воронъ. Шляпа была далеко не по сезону, но Омелько отъ этого нисколько не унывалъ. Его смѣшило одно странное обстоятельство. Когда онъ перекладывалъ свою котомку съ одного плеча на другое, то непременно минуты двѣ держалъ ее передъ гла-

зами и читалъ по-складамъ то, что было на ней написано (онъ научился грамотѣ еще въ дѣтствѣ, когда находился у попа, въ качествѣ камердинера маленькаго поповича). Тамъ была слѣдующая надпись, сверху: «цѣнная», а пониже: «посылка на 125 рублей серебромъ», дальше обозначался адрессатъ, но Омелько замазалъ его дегтемъ, такъ какъ адрессатомъ былъ, конечно, не онъ. Богъ знаетъ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ нашелъ онъ этотъ, выброшенный кѣмъ-то, кусокъ холста со слѣдами сюргучныхъ печатей и сдѣлалъ себѣ изъ него котомку, выставивъ напоказъ крупную цифру. Съ его стороны это была горьчайшая иронія, такъ какъ цифра эта красовалась рядомъ съ огромной заплатой на его чумаркѣ, а на ногахъ не было даже постоловъ. Но такое сопоставленіе тѣшило его душу.

Онъ былъ очень веселъ. Еслибъ его спросили, что заставило его покинуть табунъ, то онъ, конечно, не нашелъ-бы другаго отвѣта, какъ: «чортъ съ ними, съ ихнимъ мѣстомъ, съ сухарями и селедкой!» При этомъ, можетъ быть, пожаловался-бы на жестокость дяди Данилы. Но это было-бы не совсѣмъ искренно. Дядя Данило и прежде имѣлъ большіе сапоги съ твердыми каблуками и всегда дѣлалъ изъ нихъ должное употребленіе. Нѣтъ, а всему виною здѣсь былъ чудный сонъ, который приснился Омелькѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это была не трогательная картина!? Вся родня его собралась дома, и при этомъ батько сидѣлъ смирно, былъ трезвъ и никого не билъ. На яву, по крайней мѣрѣ, онъ никогда не видѣлъ подобной картины. Вся семья его вѣчно была въ разбродѣ. Батько гдѣ-нибудь на рыболовствѣ, сестра — въ людяхъ, въ услуженіи, онъ — попохачемъ у диди Данилы, мать гдѣ-нибудь кухаркой въ городѣ... И онъ былъ тронутъ этой небывалой картиной, сердце его, это черствое сердце, не привыкшее къ нѣжнымъ ощущеніямъ, забилося сильнѣе и запросило родственнаго свиданія.

Онъ уже прошелъ верстъ семь, когда передъ нимъ раскинулся широкій ставокъ, а надъ ставкомъ—большое село Виш-

невое. Все село издали казалось огромнымъ вишневымъ садомъ, за деревьями почти не видно было хатъ; только острая верхушка церковной колокольни съ большимъ крестомъ на концѣ, да деревянные кресты расположеннаго въ отдаленіи кладбища свидѣтельствовали о томъ, что здѣсь живутъ и умираютъ люди. Омелько отправился къ ставку попить воды, потому-что у него послѣ сухарей першило въ горлѣ. На берегу ставка съ коромысломъ на плечахъ стояла дѣвка, въ которой Омелько, несмотря на то, что видѣлъ только ея затылокъ, узналъ свою землячку — Одарку. Одарка стояла лицомъ къ ставку, съ подтыканной юбкой и полунагнувшись къ водѣ; Омелько имѣлъ полную возможность незамѣтно подкрасться къ ней. Онъ тихонько подошелъ къ ней и изрядно хватилъ ее ладонью по спинѣ. Это, по его мнѣнію, была самая изысканная форма привѣтствія. Одарка взвизгнула.

— Скаженный!.. Омелько! вскрикнула она, обернувшись, — откуда это тебя чортъ принесъ?

Послѣ этого вопроса было ясно, что Одарка очень обрадовалась Омелькѣ. Это, какъ нельзя лучше, выражало ея ясное, здоровое и красное, какъ пучекъ молодой калины, лицо.

— Меня-то? А ты спроси его, этого самого чорта, зачѣмъ онъ меня по землѣ носитъ? Табунъ пасъ, да видишь, бросилъ. Вотъ и все. Нѣтъ, ты скажи лучше, какая нечистая сила тебя принесла сюда съ хуторовъ!..

— А видишь, я думала, что ты тамъ зимовать будешь, вотъ и ушла оттуда, чтобъ не видѣть твоей корявой рожи! Ха, ха, ха, ха!..

Понимать это слѣдовало такъ, что Одарка находитъ Омельку довольно красивымъ парнемъ и въ этомъ смыслѣ сказала ему комплиментъ. Разумѣется, Омелько не могъ остаться въ долгу, поэтому немедленно отвѣтилъ:

— Напрасно, дѣвка, опасалась! Развѣ не знаешь, что я, какъ повстрѣчаю твою свинную морду, всегда отворачиваюсь...

Хо, хо, хо-о! А скажи-ка, Одарка, что моя сестра—Оксана подѣлывается?..

— Оксана?.. Гм!.. я что-то давно не видала ее! Она служить у пана управляющаго, да что-то уже недѣли съ двѣ не показывается!.. А ты сходи, провѣдай; можетъ, заболѣла!?

— Да затѣмъ и пришелъ!..—И Омелько, нагнувшись, сталъ черпать воду своей соломенной пляпой. Одарка, разумѣется, воспользовалась случаемъ толкнуть его такъ, что онъ едва не полетѣлъ въ ставокъ.

— Оглашенная!!! крикнулъ ей Омелько.—А знаешь, Одарка, когда-бы мнѣ давали тысячу рублей, то я, ей Богу, не женился-бы на такой вѣдьмѣ, какъ ты!..

Это съ его стороны было косвенное предложеніе вступить съ нимъ въ законное сожителство.

— А ты думаешь, я пошла-бы за такого чертополоха? Ха, ха! Да еслибъ мнѣ пообѣщали, что я царицей сдѣлаюсь, а ей Богу-же, и тогда поднесла-бы тебѣ гарбузу!..

Послѣ этого Омелько могъ уже не сомнѣваться, что предложеніе его будетъ принято.

— Желалъ-бы я видѣть того дурака, котораго чортъ окрутитъ съ тобой!..

При этомъ Омелько очень ловко преподнесъ ей тяжело-вѣсный ударъ въ спину и прибавилъ: «прощай, Одарка»! Въ это время на него вылилось цѣлое ведро воды, а вслѣдъ ему послышались слова:

— Прощай, чтобъ тебѣ споткнуться на первомъ камнѣ! ха, ха, ха, ха!—и звонкій хохотъ Одарки провожалъ его чуть не до самаго дома управляющаго, куда онъ направился, чтобъ навести справки объ Оксанѣ.

Разговоръ этотъ привелъ Омельку къ важному рѣшенію. Какъ придетъ зима, онъ непременно женится на Одаркѣ. Дѣвка она славная, здоровая, работающая и главное — расположена къ нему. Не даромъ-же она вылила на него цѣлое ведро воды. И свадьба Омельки съ Одаркой почти была рѣшена въ этотъ

моментъ. Какъ-бы только наняться къ бредихинскому управляющему? «Что-жъ»?! думалъ Омелько: «у нея ничего нѣтъ и у меня тоже!» и это было самымъ крѣпкимъ доводомъ въ пользу женитьбы.

На широкомъ дворѣ управляющаго Омелько встрѣтилъ человѣкъ пять рабочихъ, повидимому — изъ полтавцевъ. Онъ спросилъ у нихъ про Оксану.

— Оксана? ха, ха, ха, ха! А тебѣ на что Оксана? Опоздалъ, парень, опоздалъ! ха, ха, ха, ха! — и рабочіе неистово хохотали, а Омелько ничего не понималъ.

— Оксана — моя сестра, пояснилъ онъ, видя, что онѣ подзрѣваютъ что-то не доброе.

— А! Она—твоя сестра! Такъ ты спросика-ка вотъ у самаго пана управляющаго! Вонъ онъ переваливается!

Омелькѣ указали толстаго пана съ заспаннымъ лицомъ. Онъ подошелъ къ пану и смиренно снялъ шляпу.

— Можно-ли мнѣ спросить у васъ, панъ, про мою сестру — Оксану? несмѣло проговорилъ онъ и поклонился. — Она у васъ тутъ служить, а я хотѣлъ-бы повидаться съ нею!

— Что такое? Оксана? — и панъ разсмѣялся — У насъ нѣтъ твоей Оксаны! Ищи еѣ въ другомъ мѣстѣ!..

— Какъ нѣтъ Оксаны? А гдѣ-же я буду искать еѣ?..

— Ха, ха! А ты знаешь, что такое — твоя Оксана? продолжалъ смѣяться панъ, и отъ этого смѣха у Омельки сердце похолодѣло.

— Какъ-же мнѣ не знать, что такое Оксана, когда она сестрой мнѣ приходится? отвѣчалъ онъ. — Оксана дѣвка рабочая, честная...

— Честная? спросилъ управляющій, — а я тебѣ скажу, что она — шкура...

И тутъ онъ прибавилъ еще такое слово, отъ котораго у Омельки кровь ударила въ голову.

— Какъ-же это можно, панъ?.. Чтобы Оксана?..

— Да, да, да! А мы, знаешь, этакихъ не держимъ!.. Ищи её въ другомъ мѣстѣ!.. — И панъ удалился въ хату, а Омелько стоялъ, точно пригвождённый къ землѣ. Ноги его отказывались двигаться; ему казалось, что въ головѣ его и въ сердцѣ и во всемъ его тѣлѣ произошло что-то страшное, все перевернулось вверхъ дномъ... А рабочіе смѣялись еще звонче, еще безжалостнѣй, поминая имя Оксаны и приставляя къ этому имени такіа слова, отъ которыхъ у Омельки стыла кровь въ жилахъ. «Такъ вотъ какъ Оксана»? вслухъ промолвилъ Омелько: «не можетъ же быть, чтобы всѣ они вралѣ!» и сдѣлавъ усиліе, онъ побрелъ по большой дорогѣ. Ясное дѣло — все это произошло оттого что ему приснился попъ. Что-жь теперь? Положимъ, онъ теперь пойдетъ на рыбный заводъ, гдѣ, какъ ему извѣстно, батько его нанялся въ рыбалки. Но вѣдь онъ почти увѣренъ, что батька уже нѣтъ на свѣтѣ. Ужъ ежели сонъ началъ сбываться (а сны, говорятъ, всегда наоборотъ сбываются), такъ и пойдетъ одно за другимъ: Оксана опозорена, батько умеръ, матери ногу сломали, хата развалилилась, ему кто-нибудь въ дорогѣ шею свернетъ, либо Одарка выйдетъ за другого... Ужъ это такъ. Попъ даромъ не приснится, да еще съ палкой и какой огромной папкой!.. Тѣмъ не менѣе Омелько пошелъ на заводъ. Ну, если ужъ • батько дѣйствительно умеръ, то по крайности онъ постоитъ и перекрестится надъ его могилой.

Рыбный заводъ находился верстахъ въ пяти отъ села Вишневаго. Съ высокой кручи шелъ извилистый спускъ, внизу разстилался цѣлый лѣсъ зеленаго камыша, а въ камышѣ, надъ узенькой рѣчкой, торчали двѣ ободранныя хаты, которыхъ никто никогда не мазалъ и не чистилъ, такъ какъ здѣсь не было ни одной бабы. По берегу рѣченки сушился «неводъ» и въ разныхъ мѣстахъ кучами валялись остатки старыхъ сѣтей, нитки для плетенія новыхъ, огромные «сапѣты» (круглыя корзины для храненія живой рыбы въ рѣчкѣ) и разная рыбальская справа. Въ воздухѣ носился запахъ вяленой рыбы. Рѣченка впадала въ Днѣпръ, куда рыбалки отправлялись на дубкахъ, съ которыхъ забрасывали сѣти.

Было уже подъ вечеръ. На полянѣ кружкомъ размѣстились человѣкъ тридцать рыбалокъ, передъ ними стояли миски съ мочеными въ водѣ сухарями, у каждаго въ рукѣ была селедка. Такъ уже водится, что рыбалки, постоянно имѣющіе дѣло съ свѣжей рыбой, почти никогда не ѣдятъ еѣ; всю добычу спѣшатъ они запродать въ городъ, а сами питаются чѣмъ попало, преимущественно селедкой. Омелько почтительно поклонился. Здѣсь у него довольно было земляковъ и знакомыхъ. Онъ обвелъ глазами весь кругъ. «Такъ и есть! Батъка не видно! я такъ и зналъ!» чуть не вслухъ подумалъ онъ.

— А батъка моего что-то не видно! обратился онъ къ рыбаламъ.

— Э-ге-ге! Твой батъко!.. Да развѣ ты не знаешь своего батъка?.. отвѣчали ему рыбалки, — онъ какъ получилъ свою первую долю, да какъ закатилъ пьянствовать, такъ только его и видѣли!.. Помандровалъ!..

Не смотря на такую печальную вѣсть, Омелько вздохнулъ свободнѣй. «Ну, слава Богу! Все-таки батъко не умеръ»!

— А я думалъ, что его уже на свѣтѣ нѣтъ! сказалъ онъ.

— Ого-го-го! Твоего-то батъка! Да онъ такой, что его никакой палкой не добьешь! Живучій, какъ чортъ!.. Да ты, парень, присаживайся, да повечеряй съ нами!..

Омелько не отказался, потому что здорово былъ голоденъ. Тутъ ему поразсказали чудесъ про его батъка. Одинъ разъ онъ, пьяный, свалился въ воду и пошелъ ко дну. Едва вытащили его неведомъ; думали, что околѣетъ, нѣтъ — откачали. Другой разъ, когда онъ напыхѣлыми сидѣлъ на мостикѣ, свѣсивъ ноги въ воду, огромный сомъ схватилъ его за ногу и чуть не стащилъ въ воду... Словомъ, батъко его имѣлъ за собою столько разныхъ исторій, что ихъ хватило на цѣлый вечеръ. Послѣ ужина Омелько завалился спать въ камышѣ, рѣшивъ — чуть свѣтъ идти на Пузыревы хутора. Тамъ онъ, должно быть, найдетъ мать и отъ нея узнаетъ и про Оксану и про батъка.